

26 ОК1 1980

МОСКОВСКИЙ КОМКОМОН

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МОСКВА

КАЖДЫЙ РАЗ ПЕРЕЖИВАЯ ЗАНОВО...

В семнадцать лет он оказался на фронте. Убедить приемную комиссию военкомата, что он старше, помог рост. Воевал. Оказался в плену, бежал, воевал снова. Из Германии вернулся в Москву. Очень хотел быть артистом, но учиться никуда не брали, не находили таланта. Негде было жить — ночевал в подъезде, потом, когда стало холодно, у кого-то из знакомых. И мечтал! Мечтал о сцене. Мечтал играть Чацкого и Гамлета. Или любую другую роль, но только играть...

Ему посоветовали попробовать устроиться в периферийные театры. Поработать, набраться опыта.

Подумал и поехал. Играл много, но чувствовал: все это не то. Неудовлетворенность гнала по свету. Менял труппы, менял театры, искал себя...

Пути привели его в Сталинград. Здесь, в спектакле режиссера Фирса Шишигина «Укрощение строптивой», его заметил столичный критик, и вскоре в журнале «Театр» появилась его фотография и маленькая заметка. Так имя Иннокентия впервые появилось в прессе.

В нем приковывала какая-то едва уловимая неожиданность. Он играл так, словно боялся выглядеть на сцене несерьезно. Казался большим ребенком, хотя ему уже было под тридцать. Был удивительно органичен и в то же время выглядел каким-то нескладным, неизящным.

Главный режиссер Ленинградского Большого драматического театра имени А. М. Горького Георгий Александрович Товстоногов пригласил Смоктуновского на роль князя Мышкина в «Идиоте». Первые репетиции показались Иннокентию Михайловичу сущим адом. Он так уставал, что не дотягивал даже до конца. Ничего не получалось. Товстоногов на несколько месяцев уехал, со Смоктуновским стал работать другой режиссер. Мышкин не удавался. От отчаяния актер начал писать одно за другим заявления об уходе. Но вернулся Товстоногов, посмотрел репетицию и сказал: «Пусть Смоктуновский отдохнет. С ним работать не надо. Он все сделает сам, он сам дойдет до роли, не надо спешить...».

А потом была необыкновенно интересная работа в кино: с Г. Козинцевым над Гамлетом, с А. Кулиджановым над Порфирием Петровичем, с Михалковым-Кончаловским над дядей Ваней. Театр же, заключив его в мир непрерывного исследования жизни и судьбы князя Мышкина, не стремился ставить перед ним новые творческие задачи.

Иннокентию Смоктуновскому надо отдать должное: оставаясь без новой работы в театре в тот момент, когда его только-только начинавшая стабилизироваться творческая форма особенно

нуждалась в проверке, подкреплении сценой, он резко отказался идти на любые творческие компромиссы.

Мышление актера глубоко ассоциативно, его принципы сформированы особой, поведенческой формой его актерского творчества. «Я всегда безропотно иду на поводу у драматургии... Стараясь погрузиться, целиком уйти в нее. Позволяю ей себя гнуть, мять, терзать», — говорит он.

Своеобразие Смоктуновского заключается в том, что запрограммировать себя на спектакль он не умеет или не хочет. Он настолько философичен, настолько предрасположен к развитию внутренних человеческих движений, что каждая строчка роли способна вызвать в его мышлении множество ассоциаций. И тут же, на сцене, к нему приходят неведомые доселе ощущения, эмоции, удивляя, пугая и питая его самого силой найденных им сравнений и аналогий. Он вообще не способен раз и навсегда «сделать» образ, по-актерски «заучив» его.

Это «непостоянство» приписывали нервозности его таланта, длительному вхождению в роль. Но дело не во вхождении в роль, а во вхождении каждый раз в мысль. Он актер, который из спектакля не только умеет аналитически закреплять найденное, но который каждый раз способен обновлять свою игру. В некоторых ролях ему достаточно просто-напросто показать себя, и этого хватает, чтобы и математик Фабер («Солдаты»), и Трубоч («Романс о влюбленных») не стали героями второстепенными.

Очевидно, секрет в его способности сразу дать понять, что как минимум от его героев можно ждать чего-то незаурядного. Необыкновенность Гамлета чувствуется, как только на экране появляются его глаза — добрые, грустные, особенные. Чтобы сыграть роль несложную, Иннокентий Михайлович не может стать проще. Подвижность, диалектичность импровизации на крепкой и прочной основе реализма, глубокой достоверности создают особую живость образа, наполненного трепетным поиском истины.

По-разному относятся к Смоктуновскому: слишком странной, слишком неровной выглядит порою его игра. Слишком загадочной.

Действительно, актер он сложный. От абсолютно нетеатральной внешности (сутуловатый, почти двухметрового роста, несильный голос до того, что на сцене он никогда ничего, кажется, не знает точно и никогда будто бы не уверен в себе). И все же Смоктуновский, может быть, благодаря этому давно встал в ряд интереснейших актеров театра.

А. КАРАУЛОВ,
критик.